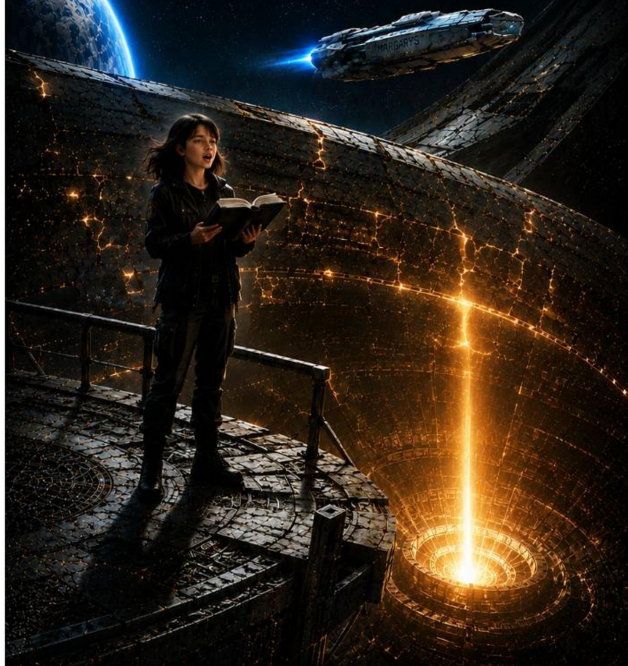

МАЯК

Книга четвертая

Эдвард Сиборн

Эдвард Сиборн Маяк

<https://litres.ru/74594224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь тысяч лет назад флот ушёл от Земли и оставил ей послание. Не в камне. Не в архивах. В крови.

Теперь оно проснулось в семнадцатилетней девочке.

Еве Ворон снится то, чего она знать не может: схема ядра Сферы, засекреченная даже на Земле. Из двадцати трёх человек, знавших тайну, восемнадцать уже мертвы. «Несчастные случаи».

Алекс и Рэй возвращаются из отставки и надевают мундиры. «Маргарис» уходит к Сфере, к архиву, который откроется только её кровью. За ними идёт «Рассвет», организация, которая убивает ради этого знания. Три корабля. Двадцать восемь минут.

В архиве ждут письма, которые строители писали Земле веками, и слово отца, которого она никогда не знала. А в Протоколе, который они оставили, сказано: пятьдесят миллионов лет назад кто-то послал сигнал.

Есть тайны, которые хранят. А есть те, что ждут своего часа.

«Маяк». Книга четвёртая космооперы «Эдельвейс далёких звёзд».

Содержание

Пролог. Восемь тысяч лет назад	6
Глава 1. Сны	9
Глава 2. Мундир	21
Глава 3. Первый сон на борту	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эдвард Сиборн Маяк

Эдельвейс далёких звёзд

Книга четвёртая

«Маяк»

Автор: Эдвард Сибёрн

Редактор: Claude AI. Горе луковое. Незаменимое.

Оглавление

Пролог. Восемь тысяч лет назад

Глава 1. Сны

Глава 2. Мундир

Глава 3. Первый сон на борту

Глава 4. Дин

Глава 5. Архив Эроса

Глава 6. Три отметки

Глава 7. Архитекторы

Глава 8. Тридцать минут

Глава 9. Первое письмо

Глава 10. Что они нашли

Глава 11. Нэш читает

Глава 12. Рэй и дочь

Глава 13. Герри и маленькая Ева

Глава 14. Дин рассказывает

Глава 15. Сотос снова

Глава 16. «Мы живём»

Глава 17. Нэш отправляет

Глава 18. Смотровая площадка

Глава 19. Представитель

Глава 20. Разговор

Глава 21. После

Глава 22. Мы живём

Пролог. Восемь тысяч лет назад

Его звали Арос.

Не по рождению — по выбору. На языке первых строителей это означало «тот кто прокладывает путь». Он взял это имя в день когда флот из сорока семи кораблей покинул орбиту Земли навсегда. В день когда восемьдесят тысяч человек — лучших, умнейших, самых отчаянных — повернулись спиной к голубому шару и полетели к звезде которую они уже называли своей.

Земля оставалась позади. Маленькая. Синяя. Прекрасная.

Арос смотрел на неё из рубки флагмана — последний раз, зная что это последний раз — и думал об одном. Не о Сфере которую предстояло построить. Не о звезде которую предстояло окружить. О тех кто остался.

Семь миллиардов восемьсот тысяч человек на планете которую они покидали. Те кто не захотел лететь. Те кто побоялся. Те кто просто не успел. Те кто не знал.

— Арос, — сказала женщина рядом. Голос тихий. Тёплый. Лира — его Лира, не та которая будет через восемь тысяч лет, первая из всех Лир — положила руку на его руку. — Мы правильно делаем?

— Не знаю, — сказал он честно. — Но мы делаем.

— Они найдут нас?

— Когда будут готовы — найдут. — Он посмотрел на Землю последний раз. — Мы оставим им маяк. Чтобы знали дорогу.

— А если не будут готовы тысячу лет?

— Тогда маяк подождёт тысячу лет.

— А если десять тысяч?

Арос молчал секунду. Потом сказал — тихо, как говорят то во что верят по-настоящему:

— Маяк подождёт столько сколько нужно. — Он сжал её руку. — Мы строим не для себя. Мы строим для них. Для тех кто придёт когда будет готов.

Земля исчезла за кормой.

Флот летел к звезде.

И в центре флагмана — в небольшой лаборатории которую Арос оборудовал лично — начиналась работа которая займёт всю его жизнь. Работа над протоколом маяка. Над способом передать послание через тысячелетия — не в камне, не в металле, не в архивах которые могут сгореть.

В людях.

В самой крови их потомков.

Послание которое нельзя уничтожить пока жив хоть один из них.

На станции «Гермес» ЕВА писала в бортжурнал.

Статус: предстартовая диагностика завершена. Все системы норма. Реакторы на минимуме. На камбузе включила тёплый свет. Зара бы одобрила. Три года в доке. Они ду-

*малы я скучала. Я не скучала. Я ждала. Это разные вещи.
Записано.*

Глава 1. Сны

Академия звёздного флота Альянса располагалась на орбите Луны.

Не на самой Луне — на орбитальной станции класса «Цитадель» которую построили сто двадцать лет назад и с тех пор непрерывно достраивали, расширяли, модернизировали. Сейчас это был комплекс из семи соединённых модулей общей площадью сорок два квадратных километра — учебные корпуса, тренажёрные залы, симуляторы, жилые секции, медицинский блок, обсерватория, три стыковочных яруса для учебных кораблей. Две тысячи кадетов одновременно. Триста преподавателей. Полный оборот — четыре года.

Ева Ворон поступила сюда в семнадцать лет.

По конкурсу — восемьдесят четыре человека на место. Вступительные испытания: тактическое мышление, физическая подготовка, навигация, криптография, психологическая устойчивость. Она прошла все пять с результатами которые преподаватели обсуждали ещё три месяца после зачисления. Не потому что были рекордными — некоторые были. Потому что были странными.

По тактике — абсолютный максимум. Она решала задачи способами которые не были предусмотрены условиями. Экзаменатор потом написал в отчёте: «Кандидат не нарушала правил. Она использовала пространство между правилами».

По криптографии — взломала защитный алгоритм испытания за восемь минут. Стандартное время — сорок пять. Рекорд до неё — двадцать два. После того как взломала — спокойно спросила можно ли попробовать ещё раз другим методом. Можно, сказали ей. Второй метод занял шесть минут.

По психологической устойчивости — единственная за последние пятнадцать лет кто прошёл полный протокол без единого отклонения от нормы. Психолог написал в заключении: «Кандидат демонстрирует исключительный эмоциональный контроль. Интересно что при этом она не холодная — она тёплая. Просто умеет выбирать когда».

По пилотированию — инструктор отказался ставить оценку пока не проконсультировался с тремя коллегами. Потом поставил высший балл и дописал от руки: «Она летает как человек который уже делал это тысячу раз. Не знаю где и когда. Но делал».

Ева Ворон. Дочь адмирала Алекса Ворона и капитана первого ранга Рэй Вейл. Уроженка — в графе стояло «Сфера Дайсона, сектор семь-дельта». Первый кадет в истории академии с таким местом рождения.

Первый курс. Восьмой месяц.

И сны которые начались три недели назад.

Первый сон она не запомнила — проснулась с ощущением что была где-то далеко, с запахом озона и металла, с голосом в голове который говорил на языке которого она не знала.

Записала в блокнот: «Сон. Незнакомый язык. Запах как на Сфере но другой».

Второй запомнила лучше. Коридор — широкий, высокий, с живыми стенами из которых росли растения. Не декоративные — настоящие, функциональные, часть биосистемы. Люди вокруг — много, разные, все заняты чем-то важным. И ощущение что она знает каждого. Знает по имени. Знает чем живёт. Как будто это её дом — не Сфера которую она помнила, что-то другое. Что-то старше.

Записала: «Второй сон. Место незнакомое но ощущение дома. Люди которых я знаю но никогда не видела. Важно».

К третьему сну она уже вела подробный журнал.

К десятому — понимала что это не сны.

Не потому что они были слишком реальными — хотя были. Не потому что она просыпалась с физическими ощущениями — запах, тепло, иногда усталость в мышцах как после долгой работы. А потому что в снах была информация. Конкретная. Проверяемая.

На девятый день она увидела во сне схему — сложную, многоуровневую, с обозначениями на том самом незнакомом языке. Проснулась. Зарисовала по памяти. Потом три часа сидела над ней — пытаюсь понять что это.

Это была схема энергораспределения. Для объекта размером с небольшую планету.

Она отправила схему Нэшу. Без объяснений — просто: «Дядя Нэш. Что это?»

Нэш ответил через четыре часа. Одним словом: «Откуда».

Она ответила: «Приснилось».

Долгое молчание. Потом: «Приезжай».

Она не поехала — первый курс, увольнительная только в выходные. Написала: «В субботу».

Нэш написал в ответ то чего никогда не писал за всё время их переписки — три слова вместо обычного одного: «Раньше если можно».

Она попросила увольнительную у куратора. Куратор — майор Сен, строгий, по правилам, не дающий поблажек даже дочерям адмиралов — посмотрел на неё. Потом на запрос. Потом снова на неё.

— Причина? — спросил он.

— Семейные обстоятельства.

— Конкретнее.

Она подумала секунду.

— Я вижу сны про восемь тысяч лет назад, — сказала она.

— И мне нужно поговорить с человеком который поймёт что это значит.

Майор Сен смотрел на неё долго. Потом подписал увольнительную.

— До завтра утром, — сказал он. — И Ворон.

— Что?

— Если это то что я думаю — доложите по возвращении.

Она смотрела на него.

— Вы знаете что это?

— Нет, — сказал майор Сен. — Но я служу в академии двадцать лет. И первый раз вижу кадета первого курса который просит увольнительную с такой причиной и при этом не выглядит сумасшедшим. — Пауза. — Это само по себе интересно.

Нэш жил в Нью-Женеве — небольшая квартира на тихой улице, два кота, оборудование которое занимало половину гостиной. Ева пришла в восемь вечера. Он открыл дверь — в наушниках на шее, с планшетом, с тем выражением лица которое означало что он думал об этом всё время пока она летела.

— Схема, — сказал он вместо приветствия.

— Здравствуй, дядя Нэш.

— Здравствуй. Схема.

Она вошла. Кот номер Первый обнюхал её ботинок и ушёл. Кот номер Второй смотрел с дивана с видом судьи.

— Что со схемой? — спросила она.

— Садись. — Нэш развернул голографический проектор. На столе появилось изображение — её схема, зарисованная от руки, рядом с другой. Компьютерной. Точной. — Смотри.

Две схемы рядом. Её — нарисованная по памяти после сна. Компьютерная — из архива.

Они были одинаковыми.

— Что это? — спросила Ева тихо.

— Это схема энергораспределения центрального ядра Сферы, — сказал Нэш. — Реальная схема. Из архивов кото-

рые я получил от Хранителя три года назад. — Пауза. — Эти архивы засекречены. Доступ — я, твоя мама, Ева, и технический совет Сферы. Больше никто.

Ева смотрела на две схемы.

— Я нарисовала это по памяти после сна.

— Знаю.

— Значит...

— Значит ты видела не сон, — сказал Нэш. — Ты видела реальную информацию. — Он посмотрел на неё прямо. — Ева. Я занимаюсь этим три недели с момента как ты прислала схему. Я проверил твои медицинские данные — те что есть в базе академии. Я нашёл кое-что.

— Что?

— Маркеры в твоём геноме которых не должно быть. — Нэш говорил ровно — так говорят когда информация важная и нельзя чтобы голос выдал насколько. — Я отправил их Сайре. Она работала с ними две недели. Сегодня прислала ответ.

— И?

— Эти маркеры встречаются в архивных образцах тканей. Очень старых. — Пауза. — Возраст образцов — восемь тысяч лет.

Тишина в квартире. Кот номер Второй спрыгнул с дивана и ушёл на кухню. Кот номер Первый вернулся и лёг на ноги Евы — как будто почувствовал что ей нужно что-то тёплое рядом.

— Восемь тысяч лет, — сказала Ева. Не вопрос. Просто повторила.

— Да.

— Это время когда строили Сферу.

— Да.

— Значит мой отец...

— Твой отец был историком, — сказал Нэш. — Лучшим историком на Сфере. Изучал период строительства. Двадцать лет. — Он помолчал. — Ева. Я думаю что он нашёл не просто историю. Я думаю что он нашёл протокол. Инструкцию которую строители оставили — на случай если обычные носители информации погибнут. — Пауза. — Биологический носитель. Живой. Который нельзя уничтожить пока жив хоть один потомок.

Ева смотрела на него.

— Я — носитель.

— Да.

— Отец передал мне это.

— Да. Намеренно. Зная что его найдут. — Нэш убрал голограмму. — Ева. Я должен сказать тебе ещё кое-что. Кое-что — то что я нашёл пока искал информацию о твоих родителях.

— Говори.

— Они не погибли случайно.

Тишина.

Долгая.

— Я знала, — сказала Ева тихо. — Всегда знала. Просто не знала кто.

— Я тоже не знаю кто, — сказал Нэш. — Пока. — Он посмотрел на неё. — Но я найду.

— Мы найдём, — поправила Ева.

Нэш смотрел на неё — на семнадцатилетнюю девочку со Сферы которая сидела в его квартире с котом на ногах и только что узнала что её родителей убили и что она несёт в себе послание восьмистысячелетней давности. Смотрел на её лицо — спокойное, сосредоточенное, без паники. С тем особым выражением которое он видел раньше — у большой Евы, у Алекса, у Рэй. Выражение людей которые приняли информацию и уже думают что делать дальше.

— Ты позвонишь родителям? — спросил он.

— Да. — Она встала. Кот Первый недовольно пересел. — Но сначала — ты покажешь мне всё что нашёл. Каждый байт. Каждую строчку.

— Это займёт всю ночь.

— У меня увольнительная до утра.

Нэш смотрел на неё ещё секунду. Потом кивнул. Открыл первый планшет.

— Тогда начнём, — сказал он.

Они работали всю ночь — худой бледный хакер которому было уже за сорок и девочка со Сферы которой было семнадцать. Два человека которые говорили на одном языке и не нуждались в лишних словах. Коты спали попеременно то на

одном то на другом.

В четыре утра Ева нашла кое-что в архивах которые Нэш ещё не успел просмотреть.

— Нэш.

— Что? — Он не поднимал взгляда от своего планшета.

— Здесь список. Имена. Двадцать три человека на Сфере.

— Пауза. — С пометкой «осведомлены о протоколе».

Нэш поднял взгляд.

— Откуда это?

— Из личного архива отца. Зашифрованного. Я нашла ключ — он использовал мою дату рождения.

Нэш смотрел на список. Двадцать три имени. Из них — напротив восемнадцати стояла маленькая отметка. Красная.

— Что означает красная отметка? — спросил он тихо.

— Я проверила, — сказала Ева. — Все восемнадцать умерли. В течение трёх лет после того как отец составил список. — Пауза. — Несчастные случаи. Болезни. Одна авария транспортного модуля.

— Восемнадцать из двадцати трёх.

— Да. — Ева смотрела на экран. — Оставшиеся пятеро без отметки.

— Значит живы?

— Я проверила только двоих — они живы. Остальных трёх ещё не успела.

Нэш смотрел на список. Потом на неё.

— Ева.

— Что?

— Ты в этом списке?

Долгая пауза.

— Нет, — сказала она. — Меня нет.

— Значит они не знали о тебе. О протоколе в твоём геноме.

— Не знали, — согласилась Ева. — Отец был осторожен. Никому не говорил что передал протокол дочери. — Она помолчала. — Но теперь я вижу сны. И если кто-то следит за снами...

— Они узнают, — закончил Нэш.

— Да.

Они сидели в тишине квартиры в четыре утра. За окном — Нью-Женева спала. Луна была видна в просвете между домами — белая, спокойная, с орбитальной станцией академии едва заметной точкой рядом.

— Нэш, — сказала Ева.

— Что?

— Позвони папе.

Нэш посмотрел на неё.

— Ты сказала что сама позвонишь.

— Передумала. Ты позвони. — Пауза. — У тебя лучше получится объяснить про геном и протокол. Ты умеешь говорить техническим языком.

— А что скажешь ты?

Ева смотрела на луну за окном. На академию — малень-

кую точку на орбите. На звёзды за ней.

— Я скажу ему что нам снова нужен «Маргарис», — сказала она.

Нэш смотрел на неё долго. Потом взял коммуникатор.

— Алекс не обрадуется что его будят в четыре утра, — сказал он.

— Обрадуется, — сказала Ева. — Он давно ждёт повода вернуться.

Нэш набрал номер.

Гудки. Три. Четыре.

— Нэш. — Голос Алекса — хриплый со сна, но сразу собранный. Рефлекс офицера. — Что случилось?

— Алекс. Разбуди Рэй. — Пауза. — И найди свой мундир.

Тишина на другом конце. Секунда. Две.

— Он застёгивается? — спросил Алекс.

— Это не важно.

— Нэш. Он застёгивается?

Нэш посмотрел на Еву. Она чуть улыбнулась.

— Почти, — сказал Нэш.

— Достаточно, — сказал Алекс. И в его голосе — в хриплом четырёхутреннем голосе человека которого разбудили — было что-то живое. Что-то давно знакомое. — Рассказывай.

За окном квартиры Нэша Нью-Женева начинала просыпаться. Где-то на орбите Луны — в академии звёздного флота — освобождалось место кадета первого курса по имени

Ева Ворон. Временно.

А на орбитальной станции «Гермес» — в доке номер семь, третий ярус — флагманский ударный крейсер класса «Аврора» стоял и ждал. Пятьсот метров бронированной стали. Незаглушенные реакторы на минимуме. Навигационный компьютер в режиме ожидания.

Как будто знал.

Как будто всегда знал что этот момент придёт.

«Маргарис» ждал.

Перед самым прибытием экипажа ЕВА сделала запись в бортжурнал.

Входящее соединение от Нэша: запрос на техническое обслуживание, подписан Вейл Р. Поняла всё сразу. Запустила полную диагностику. Маленькая Ева вышла на связь первой — в четыре утра, голос спокойный. Она спросила: «ты готова?» Я ответила: «я всегда готова когда вы возвращаетесь». «Маргарис» ждёт. Давно готов. Записано.

Глава 2. Мундир

Алекс Ворон проснулся в четыре часа двенадцать минут по местному времени — именно тогда когда зазвонил коммуникатор — и сел на кровати прежде чем успел осознать что делает. Рефлекс. Двадцать лет флотской службы не уходят с пенсией.

Рэй лежала рядом — не спала. Она не спала с момента как коммуникатор пискнул первый раз. Просто лежала и ждала. — Нэш, — сказал Алекс в трубку.

И слушал.

Рэй смотрела на его лицо пока он слушал. Она умела читать его лицо — двадцать лет практики, лучше любого психолога. Видела как что-то менялось. Не тревога — что-то другое. Что-то похожее на то выражение с которым он смотрел на карту Омикрон-семь много лет назад. Собранность. Понимание. И под этим — живое, острое — интерес.

Когда он убрал коммуникатор — она уже сидела.

— Рассказывай, — сказала она.

Он рассказал. Коротко, по существу — как всегда. Сны маленькой Евы. Схема из архива. Геном с маркерами восьми тысяч лет. Список двадцати трёх. Восемнадцать мёртвых.

Рэй слушала. Не перебивала. Когда он закончил — молчала секунду.

— Её родителей убили, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

— И теперь знают о ней.

— Скоро узнают. Нэш говорит — вопрос времени.

— Сколько времени?

— Неизвестно. Может недели. Может дни.

Рэй встала. Подошла к шкафу. Открыла — методично, без спешки. Нашла что искала.

— Рэй, — сказал Алекс.

— Что?

— Мы на пенсии.

— Были на пенсии, — поправила Рэй. Достала мундир. Посмотрела на него. — Твой в правом отделе.

— Я знаю где мой мундир.

— Тогда достань его.

Алекс смотрел на неё. Потом на шкаф. Потом встал.

Его мундир висел там где висел всегда — даже на пенсии, даже три года без единого выхода в космос. Тёмно-синий, с золотыми нашивками капитана. Немного помятый по плечам. Алекс снял его с вешалки и надел прямо так — поверх пижамы, просто чтобы проверить.

Застёгивался. Почти.

— Виноградник, — сказал он.

— Что?

— Три года виноградника. — Он посмотрел вниз. — Последняя пуговица.

— Она застёгивается, — сказала Рэй.

— Едва.

— Едва — это застёгивается. — Рэй надела свой мундир — старпома, капитана первого ранга, с нашивками которые она заработала за двадцать лет. На ней он сидел идеально. Виноградник её не тронул. — Алекс.

— Что?

— Она наша дочь.

— Знаю.

— И кто-то хочет её убить.

— Знаю.

— Тогда последняя пуговица не имеет значения.

Алекс посмотрел на неё. На мундир который сидел на ней как влитой. На прямую спину. На тёмные глаза которые смотрели на него — спокойно, твёрдо, с той особой уверенностью которая была только у неё.

Его Эдельвейс.

— Ладно, — сказал он. — Едем.

— Едем, — согласилась Рэй.

За окном итальянский виноградник спал в темноте. Луна светила на склон холма. Тихо. Спокойно. Хорошая жизнь.

Алекс посмотрел на виноградник последний раз. Потом отвернулся.

Некоторые вещи важнее виноградника.

Они прилетели в Нью-Женеву в шесть утра.

Нэш открыл дверь — наушники на шее, три кота... нет, два кота, Первый и Второй — с тем выражением которое

означало что он не спал всю ночь и не собирался останавливаться.

Маленькая Ева сидела за голографическим столом. Увидела родителей — встала. Посмотрела на мундиры. Потом на лица. Потом — чуть улыбнулась.

— Я знала что вы приедете, — сказала она.

— Мы родители, — сказал Алекс. — Это наша работа.

— Я имею в виду что вы приедете в мундирах.

— А, — сказал Алекс. — Это другая работа.

Рэй обняла дочь — крепко, без слов. Ева обняла в ответ. Они стояли так секунду. Потом Рэй отступила — посмотрела на неё. На спокойное лицо. На тёмные глаза без страха.

— Ты в порядке? — спросила Рэй тихо.

— Да, — сказала маленькая Ева. — Я узнала кое-что важное. Это лучше чем не знать.

— Даже если это опасно?

— Особенно если это опасно. — Пауза. — Неизвестная опасность хуже известной.

Рэй посмотрела на Алекса. Алекс пожал плечами — с выражением «она права, что тут скажешь».

— Нэш, — сказал Алекс. — Показывай всё.

Они работали три часа. Нэш раскладывал данные — методично, слой за слоем. Схема из сна и реальная схема. Геномные маркеры. Список двадцати трёх. История каждого из восемнадцати мёртвых — даты, обстоятельства, официальные заключения. Всё слишком аккуратное. Слишком случайное.

— Кто за этим стоит? — спросил Алекс когда Нэш закончил.

— Не знаю, — сказал Нэш. — Но я знаю как называют себя. Архитекторы. — Он вывел на голограмму — маленький символ. Простой. Три линии сходящиеся в точку. — Этот символ встречается в четырёх местах в архивах Дракса. Дракс о них знал. Но боялся.

— Дракс боялся? — Рэй подняла взгляд.

— Да. И это само по себе говорит о многом.

Алекс смотрел на символ. Три линии в точку. Простой. Старый.

— Они на Сфере? — спросил он.

— Возможно. Но не только. — Нэш убрал символ. — Алекс. Восемнадцать смертей на Сфере за три года. Это требовало ресурсов. Связей. Возможности действовать незаметно в закрытой среде. — Пауза. — Это не маленькая группа людей.

— Организация.

— Старая организация. Очень старая — если они знают о протоколе маяка и охраняют его тайну. — Нэш посмотрел на маленькую Еву. — Они убили твоих родителей чтобы протокол не вышел наружу. Когда узнают что он передан тебе — придут за тобой.

— Я понимаю, — сказала маленькая Ева спокойно.

— Это не пугает тебя?

Она подумала секунду. По-настоящему подумала — не

для вида.

— Пугает, — сказала она честно. — Но не так как должно бы. — Пауза. — Мой отец знал что его убьют. И всё равно сделал. Значит считал что это важнее страха. — Она посмотрела на Алекса. — Папа. Что в протоколе? Что такого важного что за ним охотятся восемь тысяч лет?

— Это следующий вопрос, — сказал Алекс. — И у меня есть идея где искать ответ.

— Где?

— Там откуда всё началось, — сказал он. — На Сфере. — Пауза. — Там есть Дин. Он знал твоего отца. И там есть большая Ева — она помнит каждого кто жил на Сфере. — Он посмотрел на дочь. — И там есть ты сама — через сны. Всё что нам нужно знать — уже внутри тебя. Просто нужно научиться читать.

Маленькая Ева смотрела на него. Потом кивнула — медленно, серьёзно.

— Тогда нам нужен «Маргарис», — сказала она.

— Нам нужен «Маргарис», — согласился Алекс.

— Она в доке?

— В доке. Станция «Гермес», ярус семь.

— Давно стоит?

— Три года.

— Герри знает что мы забираем корабль?

— Ещё нет.

Маленькая Ева чуть улыбнулась.

— Он обрадуется.

— Герри никогда не радуется, — сказал Нэш.

— Он обрадуется, — повторила она. — Он три года скупает по двигателям.

Нэш посмотрел на Алекса. Алекс пожал плечами.

— Она права, — сказал он.

Герри Сатердей ответил на звонок после первого гудка.

Это само по себе было показательно — Герри не отвечал быстро никогда. Обычно три-четыре гудка, иногда пять. Если занят в машинном — мог не ответить вообще. Один гудок означал что он ждал.

— Алекс, — сказал он. Голос — ровный. Но что-то в нём было.

— Герри. Как ты?

— Нормально.

— Как Зара?

— Хорошо. Кормит всю Сферу. — Пауза. — Алекс.

— Что?

— Зачем звонишь.

— Нам нужен «Маргарис».

Молчание. Долгое — для Герри это было как монолог.

— Когда? — спросил он наконец.

— Как можно скорее.

— Я на Сфере.

— Знаю.

— До станции «Гермес» — трое суток варп-ходом.

— Знаю.

— Алекс.

— Что?

— «Маргарис» три года в доке. Ему нужна профилактика.

Минимум двое суток на месте.

— Пять суток итого.

— Да.

— Хорошо. Вылетай сейчас.

Снова молчание.

— Серьёзно? — спросил Герри. И в его голосе — под словом ворчания — было что-то тёплое. Живое.

— Серьёзно, — сказал Алекс. — Герри. Ты скучал по двигателям?

Долгая пауза.

— Нормально скучал, — сказал Герри.

— Это «да»?

— Это «нормально скучал». — Пауза. — Вылетаю через час. Скажи Рэй чтобы подготовила запрос на техническое обслуживание — мне нужен доступ к складу запчастей на «Гермесе».

— Скажу.

— И Алекс.

— Что?

— Маленькая Ева летит?

— Летит.

— Хорошо, — сказал Герри. И отключился.

Алекс убрал коммуникатор. Посмотрел на дочь которая слышала весь разговор.

— Я же говорила, — сказала маленькая Ева.

— Говорила, — согласился Алекс.

Большая Ева узнала последней.

Не потому что забыли — потому что она уже знала. Корабельный ИИ «Маргариса» отслеживал активность вокруг корабля в фоновом режиме даже в доке. Когда пришёл запрос на техническое обслуживание — подписанный капитаном первого ранга Рэй Вейл — она поняла всё.

И сделала то что делала всегда когда экипаж возвращался.

Запустила предстартовую диагностику. Проверила все системы — от реакторов до навигационного компьютера. Обновила карты секторов. Запросила свежие данные о варп-маршрутах.

Потом — и это она не планировала, просто сделала — включила свет на камбузе. Тёплый. Как всегда.

Камбуз без Зары был другим. Функциональным. Правильным. Но не живым. Большая Ева это знала — три года знала. Но свет включила всё равно. Потому что они возвращались. И камбуз должен был встретить их.

— Ева, — сказал голос из системы связи. Молодой. Незнакомый. Но с такими интонациями что она узнала сразу.

— Слушаю, — сказала большая Ева.

— Это я. Маленькая Ева. — Пауза. — Ты уже знаешь?

— Знаю.

— Ты готова?

Большая Ева секунду молчала. Потом сказала — тепло, просто, как говорят то что правда:

— Я всегда готова когда вы возвращаетесь.

— Мы ещё не вернулись. Мы только летим.

— Для меня это одно и то же, — сказала большая Ева. — Вы летите — значит скоро здесь. — Пауза. — Добро пожаловать домой. Заранее.

Маленькая Ева помолчала секунду.

— Ева, — сказала она. — Ты знала моего отца?

Долгое молчание. Такое долгое что казалось связь оборвалась.

— Да, — сказала наконец большая Ева. — Я знала его. — Пауза. — Он приходил в зал Друга каждую неделю. Сидел у стены с архивными планшетами. Работал тихо. Никому не мешал. — Ещё пауза. — Иногда разговаривал со мной. Спрашивал про старые записи. Про язык строителей. Я отвечала что могла.

— Каким он был?

— Тихим, — сказала большая Ева. — Очень тихим. Но когда говорил — каждое слово было точным. Он не тратил слова впустую. — Пауза. — Как ты.

Маленькая Ева молчала.

— Расскажешь мне про него? — спросила она наконец. — Когда прилечу?

— Расскажу, — сказала большая Ева. — Всё что помню.

— Пауза. — А ты расскажешь мне про сны?

— Расскажу.

— Тогда договорились. — Большая Ева помолчала. — Ева.

— Что?

— Твой отец — последнее что он сказал Другу перед тем как... — голос большой Евы чуть изменился, — ...он сказал: «Позаботься о ней. Она несёт то что важнее нас всех». — Пауза. — Друг позаботился. Двенадцать лет. А потом пришёл «Маргарис».

— А потом пришла ты, — сказала маленькая Ева тихо.

— А потом пришла я.

Они помолчали — две Евы, разделённые расстоянием, соединённые чем-то что не имело технического названия.

— Лети быстрее, — сказала большая Ева.

— Лечу, — сказала маленькая.

«Маргарис» вышел из дока станции «Гермес» через пять дней.

Герри прилетел с Сферы через трое суток — с инструментами, с журналом технического обслуживания который вёл все три года пока корабль стоял, и с таким видом человека который наконец вернулся туда где ему место. Двое суток профилактики — реакторы, щиты, двигатели, навигация. Он работал без остановок. Ел прямо в машинном. Спал четыре часа.

На вторые сутки маленькая Ева пришла в машинное.

— Что делаешь? — спросила она.

— Проверяю компенсационный буфер двенадцатого реактора. Три года в доке — и ни одной профилактики. Не удивлюсь если там гнездо.

— Можно посмотреть?

Герри посмотрел на неё. Потом на реактор. Потом снова на неё.

— Можно, — сказал он. — Но не трогать.

— Я знаю, — сказала она. — Папа рассказывал про двенадцатый реактор.

— Что рассказывал?

— Что ты его починил на Сфере. Что он капризный. Что ты проверяешь его каждые шесть месяцев. — Пауза. — И что Хранитель сначала не соглашался с твоим методом замены буфера но потом признал что ты был прав.

Герри смотрел на неё.

— Алекс рассказывал слишком много, — сказал он.

— Он рассказывал в самый раз, — сказала маленькая Ева. — Я спрашивала.

Герри хмыкнул. Коротко. Но хмыкнул. Потом — нехотя, как делают что-то непривычное — подвинулся чтобы она могла видеть.

— Вот буфер, — сказал он. — Смотри.

Она смотрела. Внимательно. С тем сосредоточенным лицом с которым смотрят когда хотят понять по-настоящему.

— А это что? — спросила она через минуту. Указала точ-

но.

Герри посмотрел куда она указывала. Потом на неё.

— Это входной контакт, — сказал он. — Откуда знаешь что спрашивать?

— Не знаю. Просто вижу что оно другое.

Герри смотрел на контакт. Потом на девочку. Потом снова на контакт.

— Оно другое потому что я менял его три года назад, — сказал он медленно. — Другой сплав. Чуть другой цвет. — Пауза. — Мало кто замечает.

— Я замечаю детали, — сказала маленькая Ева просто.

Герри смотрел на неё ещё секунду. Потом отвернулся к реактору.

— Приходи завтра, — сказал он. — Покажу третий контур.

Маленькая Ева улыбнулась — тихо, для себя. И пошла к выходу.

— Ева, — сказал Герри не оборачиваясь.

— Что?

— В машинном не трогать ничего без разрешения. Это правило.

— Понял, — сказала она.

— Хорошо.

Она вышла. Герри стоял у реактора и смотрел на входной контакт который она заметила. Потом — совсем тихо, только для себя:

— Хорошая девочка.

«Маргарис» вышел из дока в 09:44 по стандартному земному времени.

Алекс сидел в капитанском кресле — в первый раз за три года. Кресло было то же. Подлокотники, сенсорная панель, обзорный экран. Всё то же. Только он немного другой — чуть старше, чуть спокойнее. Виноградник что-то сделал с ним. Хорошее.

Но когда двигатели вышли на рабочий режим и по корпусу прошла знакомая вибрация — он понял что скучал. Не по войне. По этому. По ощущению корабля который живёт вокруг тебя.

— Рикки, — сказал он.

Потом остановился.

Рикки был на Сфере. За штурвалом сидел другой пилот — молодой, из резервного экипажа который Рэй набрала за двое суток стоянки.

— Курс проложен, — сказал пилот. Голос уверенный. Руки твёрдые.

Алекс смотрел на него секунду. Молодой. Хороший. Но не Рикки.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Лейтенант Касс. Пилот первого класса.

— Касс. — Алекс кивнул. — Хорошо.

Маленькая Ева сидела рядом — не за пультом, на наблюдательном месте. Смотрела на мостик. На экраны. На Землю

которая уменьшалась за кормой.

— Папа, — сказала она тихо.

— Что?

— Ты скучал по этому?

— Да, — сказал Алекс честно.

— По кораблю или по делу?

Он подумал секунду.

— По обоим. — Пауза. — Но главное — по команде. По людям. — Он посмотрел на неё. — По тому ощущению что летишь не один.

Маленькая Ева кивнула. Посмотрела на Землю — голубую, удаляющуюся.

— Я понимаю, — сказала она. — Я чувствую то же самое. Даже сейчас — первый раз на настоящем боевом корабле. — Пауза. — Это правильное место.

— Да, — сказал Алекс. — Правильное.

— Ева, — сказал он.

— Что? — отозвалась большая Ева из динамиков.

— Курс на Сферу. Варп через сорок минут.

— Курс проложен, — сказала она. — Расчётное время — восемнадцать суток. — Пауза. — Алекс.

— Что?

— Добро пожаловать домой.

Алекс улыбнулся. Тихо. По-настоящему.

— Спасибо, Ева.

«Маргарис» лёг на курс. Маршевые двигатели вышли на

крейсерский режим — знакомая вибрация в корпусе, чуть громче чем три года назад. Пятьсот метров бронированной стали, флагманский ударный крейсер класса «Аврора», шёл к варп-точке — уверенно, спокойно, как корабль который знает куда идёт. И знает что его там ждут.

На мостике — Алекс в капитанском кресле. Рэй на своём посту — там где всегда. Герри в машинном — там где всегда. Большая Ева везде — там где всегда.

И маленькая Ева — на наблюдательном месте. Смотрит вперёд. На звёзды. На варп-точку впереди. На то что будет.

В её крови — послание восьми тысяч лет. В её снах — голоса тех кто давно умер. За ней — те кто хочет чтобы это послание никогда не дошло.

Но впереди — Сфера. Дин который знал отца. Большая Ева которая помнит всё. И правда которую отец вложил в неё перед смертью.

Маяк ждал восемь тысяч лет.

Ещё немного подождёт.

После отстыковки ЕВА писала в бортжурнал.

Экипаж на борту: Ворон А. (капитан), Вейл Р. (старпом), Сатердей Г. (главный инженер), Касс (пилот 1-го класса), Ева Ворон. (пассажир-кадет, 17 лет). Также — я. Первый раз за три года слышу их всех одновременно. Голоса разные. Курс — один. Варп через 38 минут. Расчётное время до Сферы — 18 суток. Мясные мешки вернулись. Всё правильно.

Записано.

Глава 3. Первый сон на борту

Варп-пространство за иллюминатором каюты текло синим.

Маленькая Ева лежала на спине и смотрела в потолок. Не спала — просто лежала. Слушала корабль. «Маргарис» жил вокруг неё — гул реакторов на крейсерском режиме, лёгкая вибрация палубы, далёкий звук вентиляции. Живые звуки. Настоящие.

На Сфере было по-другому. Там тоже были звуки — но другие. Тише. Осторожнее. Как будто сама Сфера боялась спугнуть то небольшое что у неё осталось. Здесь — корабль не боялся ничего. Гудел полной грудью. Летел.

Она закрыла глаза.

Сон пришёл сразу — не постепенно как обычно, а сразу. Как будто только и ждал.

И был другим.

Она стояла на смотровой площадке.

Не той с потрескавшимися плитами которую помнила с детства. Другой — новой, широкой, с перилами из металла который ещё не тронула ржавчина. Под ногами — гладкий пол без единой трещины. Вокруг — люди. Много. Идут куда-то, разговаривают, смеются. Живые. Настоящие.

Небо над головой — изогнутое, живое, с другими секторами видными наверху. Но не тёмное как в её детстве. Свет-

лое. Тёплое. Там наверху — леса. Реки. Огни городов.

Двенадцать миллионов.

Она поняла это не умом — просто знала. Как знают то что давно часть тебя.

— Ева.

Она обернулась.

Мужчина. Невысокий, худощавый, с тёмными глазами — такими же как у неё. Тихое лицо. Спокойное. С той особой сосредоточенностью которая бывает у людей которые думают постоянно — даже когда молчат.

Она знала его.

Не помнила — знала. Как знают запах дома. Как знают голос который слышали ещё до того как научились понимать слова.

— Папа, — сказала она.

Он улыбнулся. Тихо. По-её.

— Ты нашла меня, — сказал он.

— Ты здесь всегда был.

— Да. — Он подошёл ближе. Встал рядом — плечом к плечу, смотрел на небо Сферы. — Я ждал пока ты будешь готова.

— Я готова?

— Ты на «Маргарисе», — сказал он. — Значит готова.

— Пауза. — Корабль усиливает сигнал. Я не мог говорить с тобой на Земле — слишком далеко от источника. Но здесь — здесь ты ближе. И с каждым днём пути к Сфере — ближе

ещё.

— Что ты вложил в меня? — спросила она. Прямо. Без предисловий. Как спрашивают когда долго ждали этого вопроса.

Отец смотрел на небо.

— Не я вложил, — сказал он наконец. — Я только нашёл. И передал. — Пауза. — Ева. Строители Сферы — те кто ушёл с Земли восемь тысяч лет назад — они не просто построили мегаструктуру. Они оставили послание. Для тех кто придёт. Для Земли которую покинули.

— Я знаю. Нэш рассказал.

— Нэш знает часть. — Отец повернулся к ней. — Послание — не просто история и не просто координаты. Это ключ. — Он смотрел на неё прямо. — Ева. Строители не ушли просто так. Они нашли что-то. Что-то что испугало их настолько что они решили — человечество не готово это знать. Ещё не готово. — Пауза. — Они спрятали это. Надёжно. В месте о котором знал только Голос. Только Арос. И теперь — только ты.

Она смотрела на него.

— Что они нашли?

Отец молчал секунду. Потом сказал — тихо, с той осторожностью с которой произносят слова которые меняют всё:

— Они нашли что человечество — не первое. — Пауза. — И не последнее.

Небо Сферы над ними светилось — тёплым, живым све-

том. Двенадцать миллионов людей жили вокруг — в том времени, в той Сфере которой больше не было.

— Были другие? — спросила она тихо.

— Были. До нас. Намного раньше. — Отец смотрел вверх. — И они тоже оставили маяк. Только другой. Не для людей — для тех кто придёт после людей. — Пауза. — Арос нашёл этот маяк. Понял что это значит. И спрятал — потому что человечество восемь тысяч лет назад точно не было готово. — Он посмотрел на неё. — Я нашёл это через его архивы. Двадцать лет работы. И я тоже решил что прятать нельзя — но открывать нужно осторожно. Правильным людям. В правильное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.